

УДК 398.221:398.324:398.4

СОПЕРНИЧЕСТВО РЕК КАК ИМПУЛЬС К ПРЕОБРАЗОВАНИЮ ЛАНДШАФТА И СОЦИУМА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТИОЛОГИЧЕСКИХ МИФОВ)

Н. А. Криничная

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье рассматриваются образы персонифицированных рек, состязающихся между собой в беге–течении. Движением, осмысляемым как основной признак реки, обусловлено развертывание ее во времени и пространстве. Обилие жизненной силы, исходящее от главенствующей реки, благотворно воздействует на социум и мироздание. Коллизии, связанные с рекой–дорогой–судьбой, в данных этиологических мифах служат объяснением происхождения характерных признаков речного ландшафта: русла рек, порогов, притоков, рукавов, очертаний берегов.

Ключевые слова: этиологический миф, персонификация реки, состязание, движение, жизненная сила, преобразование, ландшафт, социум, мироздание.

N. A. Krinichnaya. RIVALRY BETWEEN RIVERS AS AN IMPETUS FOR TRANSFORMATION OF THE LANDSCAPE AND THE SOCIETY (BASED ON ETIOLOGICAL MYTHS)

The paper deals with the images of personified rivers which compete in running/flowing. The movement, perceived as the river's principal attribute, is responsible for its spread in time and space. The affluent vital force emanating from the dominant river is beneficial for the universe. In those etiological worlds the collisions related to the river/road/fate account for the genesis of the distinctive features of the river landscape: the channel, rapids, tributaries, branches, configuration of the banks.

Key words: etiological world, personification of a river, competition, movement, vital force, landscape, transformation of the universe.

*Ведь они (воды) двинулись вперед числом тридцать семь.
Впереди струящихся вод, превосходя их силой, течет Синдху.
<...>Ты, устремляешься прямо вниз по поверхности земли,
Когда ты правишь во главе этих движущихся рек.
Ригведа. X. 75. 1–2*

В ряду нарративов, повествующих о происхождении явлений природы, особое место занимает сюжет о возникновении рек и соперничестве между ними, имеющий многочисленные варианты и версии. В данных этиологических

мифах речь идет о реках Суне и Шуе, Свири и Волхове, Вазузе и Волге, Волге и Каме, Доне и Шате, Днепре и Десне, Днепре и Соже, о Днепре, Волге и Западной Двине и др. Этиологические мифы, связанные с символическим

переосмыслением главных рек того или иного региона, принадлежат соответственно к различным локальным традициям.

Названный сюжет ранее не был объектом специального изучения. До него, так сказать, еще не дошел черед. Кроме того, исследователей могла настораживать некоторая литературность его изложения. Однако наличие вариантов данного сюжета, причем в ряде случаев паспортизованных, равно как и их типология, позволяет отнести рассматриваемые нарративы к произведениям фольклора. Об этом же подчас свидетельствуют и заметки собирателя: в публикуемых рассказах сохранены «те самые выражения, в каких они были переданы» рассказчиком [Минорский, 1875. С. 522]. И – самое главное – фольклорное происхождение этих произведений подтверждается текстологическим анализом.

Как и многие этиологические мифы, рассматриваемые нами нарративы открываются семантической формулой: «Реки эти были прежде людьми» [Терещенко, 1848. С. 43–44]. Названия рек могут варьироваться, но смысл этой формулы остается неизменным. Устойчив он и в былинах: «От Настасьюшки протекала Настасья-река <...>, // От Дунаюшки протекала Дунай-река» [Рыбников, 1989. С. 392]. В другой эпической песне от «тихого Дона сударя Ивановича» протекала Дон-река [Рыбников, 1990. С. 89]. В песенном тексте как более каноническом архаические мотивы сохраняются лучше, чем в прозе.

Мифологизированные реки персонифицированы, олицетворены, одухотворены. Будучи близлежащими, они к тому же нередко имеют общие истоки, описание которых в достаточной степени рационализировано: «Обе они (реки Суна и Шуя. – Н. К.) вытекают где-то на шведской границе из одних и тех же колодцев-родников» [Ковальский, 1901. С. 2]. Причем «шведская граница» служит рационализированным выражением мифической границы между мирами, а «колодцы-родники» осмысляются как вход – выход из инобытия. В собственно мифологической версии реки могли бы вытекать, к примеру, из-под дуба сырого, из-под ясеня черного, из-под белого горючего камешка, как это имеет место в былинах [Рыбников, 1990. С. 520]. Общность же истоков-родников проявляется в кровнородственных отношениях: «Реки Суна и Шуя – родные сестры» [Ковальский, 1901. С. 2]. По другим вариантам, это два брата – сыновья одного отца или одних и тех же отца-матери, которые также изображаются персонифицированными водоемами: «У Ивана-озера было два сына: Шат и Дон, по-

чему последний и называется в песнях Ивановичем» [Зеленецкий, 1852. С. 298]. Такими же изображаются «речные» братья – сыновья одного отца и в поговорке: «Два брата родные, и оба Ивановичи, да один Дон, а другой Шат (т. е. один дельный, другой шатун. Реки Дон и Шат обе текут из Иван-озера)» [Даль, 1957. С. 725]. Или: «Был жил слепой старик Двина. У него было два сына: старший – Сож, младший – Днепр» [Боричевский, 1844. С. 183–185]. В иных случаях мифологизированные реки, две сестры и брат (Волга, Западная Двина и Днепр), – сироты. Впрочем, это могут быть и совершенно чужие друг другу реки (например, Волхов и Свирь) [Барсов, 1894. С. 181].

Возникновение рек в рассматриваемых нарративах осмысляется как перевоплощение в них людей или мифических существ. Так, например, Днепр в олонечких былинах является в виде женщины под именем Непры Королевичны. Непра-река протекла из крови этой героини и Дона Ивановича. Согласно древним представлениям, все новое возникает из чего-то одушевленного. Однако такое перевоплощение может произойти лишь при определенных условиях. Важнейшей предпосылкой к превращению человеческого естества в природное явление служит сон. Уснула, прежде чем прийти в движение, например, Суна, которую, согласно народной этимологии, звали прежде не Суна, а Сон-река. Уснула и сестра ее Шуя [Ковальский, 1901. С. 2]. Мифологема перевоплощения во время сна в дошедших до нас этиологических мифах отчасти уже разрушена. И все же сон как таковой полностью не утрачивает значения перехода, которым стимулируется превращение человеческого естества в природное. Особенно это заметно в былинах, где состояние перехода, вызванного сном, подкрепляется переживанием перехода, обусловленного свадебным обрядом. Так, Садко, который засыпает на брачном ложе в подводном царстве, просыпается на берегу реки, но руки, которыми он обнимал морскую царевну, оказываются в воде:

И отвели Садка купца богатого,
Со своей ли со невестой нареченою,
И повалился спать Садко купец богатыя,
И охалил Садко купец богатыи
Он тую ли невесту нареченою.
И увидал Садко купец богатыи,
И увидел он тут, что я в воды лежу,
В воды лежу я на берегу да во своей реки.
[Гильфердинг, 1950. С. 658].

Как пишет В. Я. Пропп, в лице дочерей морского царя персонифицированы реки, в лице же его «невесты» – родная новгородская река

Волхов, которая и доставила героя в Новгород [Пропп, 1958. С. 107]. Предполагается, что душа во время сна либо обряда перехода (в данном случае – свадьбы), переживая лиминальное («пороговое») состояние, может покинуть свою телесную оболочку и обрести себе другую [Криничная, 2010. С. 118–128] – на этот раз облик водной стихии.

По некоторым вариантам рассматриваемого мифа, сестры – будущие реки не просто засыпают, но засыпают как мертвые, или засыпают мертвым сном, что, по сути, служит метафорой их смерти. Поскольку сон уже сам по себе приравнивается в народных верованиях к временной смерти, то мертвый сон осмысливается как смерть: «Сон смерти брат. Уснул – помер. Спит человек – не живой. Сонный, что мертвый. Уснешь, что умрешь» [Даль, 1957. С. 518]. Перевоплощение же людей в реки, обусловленное гибелью героев, наглядно изображается в былине о Дунае:

Где пала Дунаева головушка,
Протекала речка Дунай река,
А где пала Настасьина головушка,
Протекала речка Настасья река.
[Гильфердинг, 1950. С. 191].

Ослабленной формой подобной мотивировки перевоплощения является смертельная опасность, исходящая от антагониста. Так, в сказке царевна, спасаясь от погони, «оборотила» себя и мужа в реку и дерево, стоящее у той реки [Афанасьев-2, 1957. С. 181].

Если изначально сон/смерть служит выражением пред-бытия рек, то в позднейшей традиции это лишь предпосылка к перемене в их существовании. В своем архаическом виде подобная мифологема сохранена былиной. В поздних же по времени записи этиологических рассказах она уже трансформирована. Теперь реки впадают в сон, потому что в пути они устали. Или же сон/смерть оказывается промежуточным звеном между различными этапами их жизненного цикла. Данная мифологема нередко завуалирована, обытовлена, а то и вовсе отсутствует. Пробуждение же символизирует начало жизни либо возвращение к ней, возрождение, обновление. Пробуждение рек представлено как старт, с которого начинается их стремительный бег – состязание за право быть первой и старшей. [Не случайно в «Ригведе» (X. 75. 9) движение Синдху (sindhu букв. «река») – пот рг. реки Инд с притоками сравнивается с состязанием колесниц на ристалище. – Елизаренкова, 1999. С. 211, 477, 555]. Иными словами, покой сменяется движением, а с движения начинается жизнь: «Ночью встала Вазу-

за потихоньку, убежала от Волги, выбрала себе дорогу и прямее и ближе и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует» [Афанасьев-1, 1957. С. 139]. Характерно, что движение, связанное с рождением/пробуждением, начинается именно ночью, ассоциируемой с тьмой как проявлением хаоса. Мотив движения сохраняется даже в тех мифах (например, о Свири и Волхове), где мотивы сна и пробуждения отсутствуют. Соответственно река, которая вышла в путь одновременно с соперницей или даже позже ее, но пришла к назначенному месту первой, и была признана лучшей и старшей.

Движение – основной признак реки и по языковым материалам. Не случайно в русском языке словом, родственным лексеме *река*, служит глагол «ринуться», в древнеиндийском – таковыми являются слова со значением «двигается, начинает течь» и отглагольные существительные «ток, бег» [Фасмер, 1987. С. 464]. (Кстати, в древнеиндийском языке с понятием «течь, струиться» связано и понятие «вода» [Белецкий, 1955. С. 20].) В качестве бегущего мифического существа, которое не имеет ни рук, ни ног, ни тела, ни костей и не оставляет за собой следов, изображена река в загадках: «Течет, течет – не вытечет, бежит, бежит – не выбежит»; «Ходит без ног, рукава без рук, уста без речи»; «Кружится, вертится, только берега держится» и др. [Митрофанова, 1968. С. 29]. Как видим, река не только устремляется вперед, но и совершает круговые движения. Вращение же само по себе, круговращение, движение по кругу, по словам Г. Вирта, является «этическим Основанием Вселенной всего бытия» [Вирт, 1997. С. 177].

Мотивировки движения рек могут быть разные. И важнейшей из них является соперничество: «кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почета». И потому скорость их течения-бега стимулирована желанием каждой из них превзойти другую. Движение реки, которая обгоняет соперницу, превосходя ее по силе, осуществляется с минимальной затратой времени для преодоления максимально большого пространства. И потому вышедшая позже река чаще обгоняет свою соперницу, тайком убежавшую от нее раньше.

Другой мотивировкой быстрого бега реки служит погоня. Так, река Свирь, явившись на свет «маленьким зайчиком», спасается от преследующего ее волка [Минорский, 1875. С. 522]. (Это редкий случай, когда река имеет изначально не антропоморфный, а зооморфный облик, который предшествует антропоморфному в качестве более архаичного.)

Течение реки уже само по себе символизирует время. Время, со своей стороны, устойчиво связано с понятием «течение», осмысляясь тем самым как динамичное время: ср. с выражением «много воды утекло». И потому преодоление пространства нередко выражено посредством темпоральных категорий. Так, река Свирь, родившись ночью (а с ночью связаны представления о севере) и ориентируясь по месяцу, направляет свой бег на полдень, т. е. на юг. По другой версии, она «всё берет на полдень да на полночь» [Минорский, 1875. С. 522; Барсов, 1894. С. 180–181], иными словами, растекается в разные стороны, вверх и вниз. В этом плане река Свирь уподобляется реке Нилу, которая, согласно Геродоту (2.28), течет и на север, и на юг.

Посредством заклинания, вкрапленного в канву как этиологического мифа, так и былины, река может стать вечно текущей: «Богатей и тучней до конца веков!» [Боричевский, 1844. С. 183]. Или: «Тут протечи, матушка Дунай-река // От ныне и до века» [Гильфердинг, 1950. С. 421]. Этот образ, по словам В. Я. Проппа, есть не только образ времени, но и бессмертия [Пропп, 1958. С. 154]. Не случайно и в «Ригведе» реки неоднократно называются бессмертными (I. 62. 10).

Вслед за движением главной реки региона, символически переосмысленной, в этиологических мифах разворачивается и пространство. Не случайно, согласно поговорке, «без реки нет земли». Реки бегут от своих истоков до самого устья – моря/озера, в которое и впадают. Они пересекают пространство с севера на юг, преодолевают, казалось бы, непреодолимые преграды. Так, например, река Днепр прорезает высокие горы, пробивается сквозь дремучие леса, продвигаясь по тучным лугам. Перевоссоздавая мироздание, разливаясь широко и глубоко, она «протекает города, омывает села без счету» [Боричевский, 1844. С. 183]. Река, которая течет от верховья (верхний мир) до низовья (нижний мир) через пространство, населенное людьми (средний мир), осмысляется как космическая река, выступающая в качестве некоего «стержня» Вселенной, мирового пути. Ее составной, видимой, частью либо ее земным воплощением является мифологизированная реальная главная река данного региона [Топоров, 1982. С. 374]. Представленная в горизонтальной плоскости вертикальная модель Вселенной, по сути, эквивалентна ее трехъярусной модели. Напомним, что в древнеиндийском эпосе река Ганга (олицетворение реки Ганг) нисходит с небес на землю (Махабхарата. III; Рамаيانа. I. 44–45). Причем в «Ригведе» (X.75) реки изображаются как женские божества.

Приведя себя в действие, в состояние движения, мифологизированная река осуществляет идею творения, возникновения, изменения: «Движение, реальное и метафорическое, актуализирует модель мира, обеспечивает ее функционирование во времени и в пространстве» [Невская и др., 1998. С. 442].

Характер и качество творения зависят от особенностей демиурга, роль которого в нашем случае исполняют реки. Так, например, спокойное течение рек-сестер Суны и Шуи, которые на каком-то этапе прокладывают себе дорогу-судьбу, находясь рядом и неразлучно, сменяется их раздельным и бурным (особенно со стороны Шуи) течением. Так или иначе коллизия противостояния соперничающих рек оказывается сюжетообразующей. Творение мироздания, согласно этиологическим мифам, обусловлено борьбой противоположностей. Ее характер определяют бинарные оппозиции, или дуальные модели: простодушие – хитрость, доверчивость – коварство, верность – измена и т. д. Иначе говоря, и в данном случае сотворением мироздания управляют положительное и отрицательное начала, достигшие своей поляризации. При этом реки-демиурги изображаются, подобно людям, со своей судьбой, нравом, настроением, чувствами. У персонифицированных рек возникают житейские коллизии, сходные с человеческими. Эти обстоятельства сказываются на характере их самосозидания: на быстроте течения, на поворотах-излучинах, на очертаниях берегов и русла, на особенностях прибрежного ландшафта, на возникновении притоков, рукавов, порогов и т. п. Усиление той или иной части оппозиции влечет за собой изменение речного пейзажа в ту либо другую сторону.

Стихийное течение рек осмысляется в этиологических мифах как осознанное движение, подчиненное практическому смыслу, подкрепленному эмоциями.

Река Волхов, струящаяся впереди Свири и превосходящая ее по силе, соответственно и прибегает к финишу первой – «раньше Свири тремя часами и тремя минутами» [Барсов, 1894. С. 181]. В гневе на свою соперницу Волхов рвет землю, сдвигает камни, пробивается сквозь горы, как бы создавая/перевоссоздавая мир. Однако проявление могущественной силы не всегда дает ожидаемый результат. Так, например, река Суна в погоне за своей сестрой-беглянкой, чтобы не сворачивать в сторону, столь неистово рвала гранитные скалы, что создала на своем пути водопады Гирвас, Порпорог и Кивач. В конце концов она была до того измучена, что отказалась от надежды отыскать свою сест-

ру Шую [Ковальский, 1901. С. 2]. Согласно другому мифу, даже выбор более прямой и более короткой дороги, которую тайком захватила река Вазуза, не приносит ей ожидаемой победы над Волгой [Афанасьев-1, 1957. С. 139]. То же, по другой версии, происходит и с Волгой, Западной Двиной – сестрами Днепра. Оставшись сиротами, претерпевая нужду и лишения, они задумали пойти по белу свету в поисках лучшей доли – найти такие места, где можно было б вольготно разлиться большими реками. Но сестры, когда брат уснул, захватили, нарушив уговор, самые лучшие, отлогие местности. Проснувшись, разгневанный Днепр понесся в погоню за ними «широким потоком по рвам и буеракам». Испуганные сестры уступили ему дорогу.

Кроме того, течение рек, по этимологическим мифам, может зависеть от удела, который выпадает на долю каждой из них. Например, старый слепой отец (слепота – знак хтонического существа) наделяет одну из дочерей, Волгу, красивыми местами, селениями и городами. Другой же дочери, Соже, он дает «лучшие места». В удел непокорному сыну Днепру достается то, что осталось – мхи и болота. Прослышав об этом, Днепр решает исправить положение в свою пользу. Он бежит что есть мочи, разрывая горы, изгибаясь коленами. В результате Днепр захватывает земли, предназначенные для его сестры Сожи. И той пришлось довольствоваться мхами и болотами, от которых отказался брат [Максимов, 1903. С. 238–239]. По другой версии, слепой старик Двина благословил своего сына Днепра за его кротость разлиться «рекою широкою и глубокою» «по тучным лугам и дремучим лесам» через города и села до синего моря. И теперь уже Сож (он «был буйного нрава, таскался по лесам, горам и полям») помчался в погоню за братом «скрытыми путями, непроходимыми темными лесами». Он размывал болота, прорезал овраги, вырывал, подобно буре, дубы с корнями [Боричевский, 1844. С. 183–185]. И хотя его попытка опередить Днепр оказалась тщетной, все же ему удалось проявить себя в качестве демиурга: его буйный нрав сказался на характере ландшафта.

На этот раз распределение местностей, где предстоит протекать главным рекам региона, обусловлено в мифах социальными отношениями. Раздел имущества, в качестве которого здесь представлены просторы земли, играет в мироустройстве не последнюю роль. Лучшие уделы в основном достаются рекам, в которых больше движения, а значит, и жизненной силы, способной благотворно воздействовать на ок-

ружающее пространство и социум. Ведь изначально река, которая выиграла первенство, не просто протекает по «лучшим» землям. В силу своей мощи она сама наделяет богатством людей, источает обилие на земли, где она пробегает. Характерно, что в «Ригведе» река Синдху (Инд), распространяя свои воды по просторам и пространствам, служит средоточием/источником всяческих благ:

Синдху, богатая прекрасными конями,
прекрасными колесницами,
прекрасными одеждами.
Полная золота, прекрасно созданная,
богатая наградами;
Богата шерстью (эта) юница,
богата (растением) силама...
Ригведа. X. 75. 8.

В этимологических мифах объясняется также изменение рекой своего основного направления. Так, например, река Свирь, которая «явилась на свет маленьким зайчиком», спасаясь от преследования волков, «бросилась вправо и ушла в Нево-озеро», тогда как намеревалась донести свои воды в Ильмень-озеро [Барсов, 1894. С. 180–181]. (Кстати, в былинах Ильмень-озеро может отождествляться с морским царем либо олицетворяться в образе доброго молодца – брата Волги [Афанасьев, 1994. С. 229].)

Реки меняют направление своего движения и по иным причинам. В одном из этимологических мифов сестры, Волга и Двина, испугавшись гнева догоняющего их брата, Днепра, разбежались в разные стороны. Поэтому у Днепра много рукавов и порогов. Подобный мотив типичен и для эпических песен, где он, однако, имеет другую мотивировку и развязку:

И с-под эвтого с-под местечка
Протекали две реченьки быстрых,
И на две струечки оны расходилися,
И още оны вместо сходилися
[Рыбников, 1989. С. 143].

Или:

Одна в сторону река, друга в другую,
И в одно место оны стекались
[Рыбников, 1989. С. 430].

Отдаленно это напоминает древнегреческий миф, где Алфей, бог одноименной реки, или охотник, обернувшись рекой, соединяет свои воды с источником, в который превратилась нимфа или охотница Аретуса (Овидий. Метаморфозы. V. 572–642; Павсаний. Описание Элады. V.7,2).

Сознательными действиями олицетворенных рек объясняется и происхождение их при-

токов. По словам рассказчиков, река Вазуза, украдкой убежавшая от Волги, чтобы захватить первенство, изрядно напугалась, когда ее догнала разгневанная соперница. В страхе она назвалась меньшей сестрой и просила Волгу донести ее на руках к Хвалынскому (Каспийскому) морю [Афанасьев-1, 1957. С. 139]. Как утрату рекой самостоятельного русла объясняют рассказчики происхождение данного притока Волги. То же известно о реке Десне, которая вынуждена была примкнуть устьем к быстрому Днепру, поскольку тот, опередив ее, впал в море. Долго сопротивлялась слиянию своих вод с водами Волги и река Кама.

Аналогичный мотив связан и с Сожем: в погоне за своим младшим братом, Днепром, он ныряет под землю, чтобы сократить себе путь. Сож рассчитывал, опередив брата, выскочить наверх, ему наперерез. Однако намерениям Сожа не суждено было осуществиться: вынырнув из-под земли, он «со всего размаху впал в днепровские воды» [Боричевский, 1844. С. 185]. Его постигла та же участь, что и Вазузу. Сож также остался без собственного русла. Несколько иное произошло с Доном. Нырнув в синее море да выскочив слишком рано, он так там и остался [Зеленецкий, 1852. С. 298]. И потому Дон не продолжает своего течения на другом берегу моря (как будто у него не было возможности попытаться вынырнуть в нужном месте во второй раз). И в том и в другом случае виноват был ворон, который, перелетев на другую сторону реки/моря, должен был каркнуть и таким способом дать знак, когда нырнувшей реке следует подниматься из воды. Но ворон в силу тех или иных обстоятельств каркнул слишком рано – и обе реки, выскочив на поверхность, остались там, куда они нырнули. В образе вороны – помощника мифологизированной реки проявляется одна из разновидностей зооморфного творца мира, равно как и самой реки.

Развязка коллизии, основанной на состязании рек, может быть различной. Победившая река признает первенство победившей. Причем, по одной версии, она назвалась младшей сестрой реки, выигравшей состязание. По другой версии, обе реки побратались между собой и стали жить в согласии. И та и другая коллизия символизирует значение данной реки в определенном регионе. Лишь в редких этиологических мифах реки разлучаются навсегда, и каждая из них живет в дальнейшем своей самостоятельной жизнью.

Таким образом, рассматриваемые этиологические мифы объясняют происхождение сакрализованных особенностей речного ландшафта. Его определяют течение реки, направление движения, очертания русла и берегов, наличие

притоков, рукавов, порогов. В этих нарративах заключены мифопоэтические представления о дороге-судьбе реки от истоков – рождения до устья – завершения жизненного пути. Однако, поскольку в качестве переходных обрядов смерть отождествляется со свадьбой, мотив впадения реки в море может осмысляться и как свадьба: «Шат шатался с глупу да упал в Упу, а Дон покотился в поле да женился на море» [Зеленецкий, 1852. С. 292].

В характерных признаках рек и прибрежного ландшафта первобытное сознание усматривало следы осознанной и одновременно стихийной деятельности персонифицированных и одухотворенных рек, в значительной мере взявших на себя функции демиурга. И потому динамическая картина самоопределения рек осмысляется как неотъемлемая составляющая космогенеза.

Мы же видим здесь истоки олицетворения, которое, развившись в поэтический троп, дало мощный импульс для создания образа живой реки, столь прочно вошедшего в литературное творчество:

Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погуляя на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.

[М. Ю. Лермонтов. Дары Терека].

Литература

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. 515 с.; Т. 2. 510 с.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. М.: Индрик, 1994. Т. 2. 784 с.

Барсов Е. В. Об олонецких древностях // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 170–186.

Белецкий А. А. Задачи дальнейшого сравнительно-исторического изучения языков // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 3–27.

Боричевский И. П. Народные славянские рассказы, изданные И. П. Боричевским. СПб.: Тип. Мор. корп., 1844. 247 с.

Вирт Г. Священный год // Конец света: Эсхатология и традиция / Сост. А. Дугин. М.: Арктогея, 1997. 402 с.

Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3-х т. Изд. 4-е. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. 811 с.

Даль В. Пословицы русского народа: Сб. В. Даля. М.: ГИХЛ, 1957. 991 с.

Елизаренкова Т. Я. Ригведа. Мандалы IX–X / Изд. подгот. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. 559 с.

Зеленецкий А. Г. Народные рассказы и поверья в Чернском уезде // Тульские губернские ведомости.

1852. № 26. Часть неофициальная. С. 292–296; № 27. С. 298–302.

К [овальский] И. Н. Кивач // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 95. Часть неофициальная. С. 2–3.

Криничная Н. А. Мифологема перевоплощения персонажей в карельских эпических песнях: предпосылки, ситуации, образы // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 118–128.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Т-во Голике и Вильборг, 1903. 526 с. (Этногр. бюро князя В. Н. Тенишева).

Минорский П. Река Свирь и ее значение в Олонецком крае // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 47. Часть неофициальная. С. 521–523.

Митрофанова В. В. Загадки / Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л.: Наука, 1968. 255 с.

Невская Л. Г., Николаева Т. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В. Концепт пути в фольклорной модели мира (от Балтии до Балкан) // Славянское языкознание. XII Междунар. съезд славистов. Докл. российской делегации. М.: Наука, 1998. С. 442–459.

Пропп В. Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М.: ГИХЛ, 1958. 603 с.

Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Петрозаводск: Карелия, 1989. Т. 1. 527 с.; 1990 Т. 2. 640 с.

Терещенко А. В. Быт русского народа: В 7 ч. СПб.: Тип. военно-учеб. заведений, 1848. Ч. 5. 181 с.

Топоров В. Н. Река // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Совет. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 374–376.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Пер. с нем. Изд. 2-е. М.: Прогресс, 1987. Т. III. 832 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Криничная Неонила Артемовна

главный научный сотрудник, д. филол. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: vmp@sampo.ru
тел.: (8142) 562742

Krinichnaya, Neonila

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: vmp@sampo.ru
tel.: (8142) 562742